

дился с обозом. Попал на немецкую батарею. Получил серьёзное ранение. Этот человек дожил до победы. Увидел своими глазами людскую радость и умер. Точнее сказать, ушёл тихо, незаметно... Когда он покинул этот мир? Может быть, в тот час, когда садилось солнце или ещё раньше. Этого никто не знал. А красное вино, выплеснутое на изголовье, где только что лежал Копешкин, вспыхнуло на белой накрахмаленной наволочке алым огнём. Огнём, который зажёгся в память о солдате, который пролил свою кровь, защищая родину. А на клумбе тёти Оли, героини рассказа «Живое пламя», словно вечный огонь, горят алые маки, которые напоминают ей о сыне, погибшем на войне.

Тема памяти очень волнует писателя. Именно она стала главной в рассказе «Шопен, соната №2». Открывают памятник солдатам, погибшим на войне. На митинге произносят торжественные речи, правда, имена, высеченные на обелиске, ничего не говорят тем, кто собрался возле него. Неизвестно, кем были эти солдаты, где жили до войны, чем занимались, были ли у них семьи или нет. От этих воинов остались только имена и больше ничего. А ведь сколько ещё безымянных неопознанных бойцов лежит в сырой земле?! Сколько семей до сих пор ждут своих родных, без вести пропавших на полях войны?! Об этом говорит фронтовик Иван Кузьмич Селиванов: «Мой полк прошёл от Воронежа до Белграда. Были моменты, когда в полку оставалось только триста с небольшим человек, и то вместе с ранеными. А когда мы в конце войны вместе с начальником штаба под считали, сколько прошло через наш полк людей, то сами себе не поверили. Двадцать две тысячи! Вы спросите, куда они девались? А вот они! Тут!.. Полк шёл на запад, а за нами — от села к селу, от города к городу цепочкой тянулись могилы — путь к нашей победе... Я хочу, чтобы вы, мужчины и женщины, бывшие солдаты и солдатские жёны, участники и очевидцы, пока ещё живы, пока это не стало достоянием исторических книг и архивариусов, передали бы своим детям и внукам священную память о павших из рук в руки, от сердца к сердцу...»

Слова Ивана Кузьмича находят отклик в сердцах ветеранов, а вот юные музыканты, которые приехали играть на открытии обелиска, до конца не понимают значения этого события, не знают, зачем они ехали в такую даль, их раздражает поступок дяди Саши, отдавшего машину фронтовикам, да и о войне они имеют смутное представление. Только попав в дом, из которого война унесла четверых человек, познакомив —

шись с женщиной, которая до сих пор ждёт своих детей, они понимают весь ужас войны. И музыка, зазвучавшая в этом доме, становится поминальной молитвой для всех, кто ещё не найден и не захоронен: «...дядя Саша вспомнил, что именно об этой великой сонате кто-то, тоже великий, сказал, что скорбь в ней не по одному только павшему герою. Боль такова, будто пали воины все до единого и остались лишь дети, женщины и священнослужители, горестно склонившие головы перед неисчислимыми жертвами...»

Мне кажется, что наша земля — это одна большая братская могила, и для того, чтобы увековечить имена тех, кто сражался за родину, не хватит никакого гранита. А если сложить воедино слёзы, которые пролили матери, жёны и дети, оплакивая своих близких, погибших на войне, то получится огромный океан, способный затопить планету. Особенно горько то, что войны не прекращаются, по-прежнему гибнут люди, наполняется океан слёз.

Когда — то наши деды и прадеды заплатили самую высокую цену за наши жизни, наше мирное будущее. Память о Великой победе завещали они нам. Всё меньше и меньше остаётся в живых участников войны, творцов Великой победы, но не меркнет их подвиг. Я верю, что 9 мая навсегда останется светлым и печальным днём для нашего народа.

Н. Толстякова

То ли эхо прошедшей войны?.. Ушедшим от нас и живым посвящается...

Под таким говорящим названием в курской школе №27 был открыт персональный вернисаж живописных работ десятиклассника Павла Бугорского.

С сентября Павел вместе со своим педагогом по изобразительному искусству Валерием Цымбуловым, заслуженным учителем республики, работал над картинами. Всего на выставке было представлено 56 творений юного художника, и все они поражают своей глубиной, необыкновенным психологизмом и умением тонко почувствовать трагичность момента.

Вот на деревянной тележке с колесами едет инвалид без обеих ног, отталкиваясь руками от асфальта, а вокруг спешат люди, их ноги